

Э. Р. ТЕНИШЕВ

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

Формирование диалектных систем происходит не только путем территориального варьирования языкового массива, но и посредством притягивания и интеграции других родственных языков и диалектов. В некоторых языках, например, узбекском, этот процесс почти закончен, и требуются усилия исследователей, чтобы установить происхождение отдельных диалектов из разных источников. В ряде же языков расширение диалектной системы за счет привлечения других языков еще не завершилось и происходит, можно сказать, на глазах. Порою возникает ситуация, при которой создается видимость притягивания других языков в орбиту диалектов данного языка, хотя в действительности ничего подобного нет.

Существуют две точки зрения на состав диалектов синьцзянско-уйгурского языка. Согласно первой, диалектная система уйгурского языка состоит из диалектов центральных районов и языка лобнорцев, населяющих восточную часть республики — район оз. Лобнор. В соответствии со второй точкой зрения, к названным диалектам добавляется еще язык сарыг югуров, живущих в провинции Ганьсу, и язык саларов, населяющих высокогорную местность в провинции Циньхай. Оба последних языка исследователи рассматривают неоднозначно, применяя разные определения: «близкие новоуйгурским диалектам»¹, «изолированные диалекты» в отличие от «собственных уйгурских диалектов»², «языки, независимые от уйгурского, но имеющие с ним ближайшие родственные связи»³, «так называемые ганьсуйские диалекты» уйгурского языка⁴.

Обилие определений и их разноречивость говорят о том, что чисто лингвистический, структурный критерий диалектного или языкового статуса саларского и сарыг-югурского явно недостаточен. Более строгий, корректный и, следовательно, точный ответ на вопрос, диалекты ли это уйгурского языка или самостоятельные языки, дает применение социологического критерия. В понятие последнего входит «наличие (или, наоборот, отсутствие) взаимопонимаемости, единого литературного языка, а также единого самосознания народности»⁵.

Что же представляют собой язык лобнорцев, сарыг югуров и саларов — самостоятельные это языки или диалекты уйгурского языка?

Для лобнорцев, живущих единой государственной и социально-экономической жизнью с уйгурами, языковое общение с ними возможно только на уйгурском языке: уйгуру непонятен лобнорский, в котором весьма развиты губная гармония гласных и ассимилятивные переходы согласных, имеются специфические грамматические черты.

В негубном ряду гласных действует, как правило, прогрессивная гармония: *аууз* «рот», *јапу* «новый». После губных гласных по закону про-

¹ J. Benzing, K. H. Menges, Classification of the Turkic languages, «Philologiae Turcicae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 6.

² O. Pritsak, Das Neuigurische, там же, стр. 528—530.

³ K. Thomsen, Die Sprache der Gelben Uiguren und das Salarische, там же, стр. 565—567.

⁴ Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969, стр. 312.

⁵ «Общее языкознание. Формы существования. Функции, история языка», М., 1970, стр. 452.

грессивной гармонии огубляются не только узкие (*i, y*), как в уйгурском языке, но и широкие (*a, ä/e*). В этом отношении лобнорский язык находит себе параллель в киргизском и алтайском языках. Правда, в киргизском гласный *a* после *u* огубляется факультативно, а в алтайском этот гласный не подвержен огублению совсем. В лобнорском, сближающемся в данном случае с киргизским, лабиальная гармония проявляется полнее и последовательнее, чем в других тюркских языках (кроме якутского): *boron* «ветер, буран», *örtöndökö* «находящийся на постоялом дворе», *jolučo* «на его дорогу», *qoldon* «из руки», *üngön* «выросший», *oçyotop* «пробудив». Регрессивная гармония гласных — характерная черта уйгурского языка — языку лобнорцев не свойственна и встречается только у лиц, владеющих уйгурским языком⁶.

Во многих случаях конечный согласный основы полностью или частично ассимилирует по закону прогрессивной ассимиляции начальный согласный аффикса — в форме мн. числа имен, в падежных словоформах, в производных прилагательных, глаголах, послелогах и т. д.: *qošıqço* «стихи» (вин. п.), *gäppi* «речь» (вин. п.), *bizzi* «нас» (вин. п.), *attiq* «конный», *toptuq* «лобнорец», *sözzö-* «говорить». В результате в области начальных согласных формантов возможны чередования *l/d/t/z*, *p/n*, *n/ŋ*, *k/n*, *n/q*, *n/z*.

Регрессивная ассимиляция согласных действует как внутри слов, так и на стыке их: *jassam* (<*jazsam*) «если напишу», *mizayya* (<*mizanya*) «весу», *töj jaš* (<*tört jaš*) «четыре года», *bis qilip* (<*biz qilip*) «мы сделав». Регрессивная ассимиляция приводит к следующим чередованиям конечных согласных основы: *j/t*, *n/m*, *l/s*, *s/z*, *s/t*, *ŋ/n*, *ŋ/ç*. По силе действия ассимиляции согласных (прогрессивной и регрессивной) лобнорский резко отличается от уйгурского и заметно выделяется среди тюркских языков.

Своеобразие лобнорского языка заметно и в морфологии. В отличие от уйгурского языка род. падеж здесь совпадает по форме с винительным (тем самым лобнорский сближается с карачаево-балкарским, кумыкским, а также с диалектами узбекского языка): *arçıtaqqı putı* «нога иноходца», *bizzidäk* «как мы». Особую форму имеет желательное наклонение: *qılalivis!* «сделаем-ка!» (уйг. *qılajli*), *jazalivis* «напишем-ка!» (уйг. *jazajli*). С. Е. Малов считал язык лобнорцев и самих лобнорцев близкими к киргизскому языку и киргизам⁷.

Четкого представления о том, что они образуют особую этническую группу, отличную от уйгуров, у лобнорцев не существует; термин *toptuq* «лобнорец» — такое же название по месту жительства, как и «кашгарец», «турфанец», «комулец» и т. д., распространенное у уйгуров.

Общим для всех групп населения, в том числе и для лобнорцев, является нормированный уйгурский литературный язык, который и нивелирует всю местную речь. Язык лобнорцев с его структурной спецификой оттеснен им на второй план. Хранителем его являются только люди старшего и «сверхстаршего» (от 90 лет и выше) поколения. Основная часть лобнорцев фактически двуязычна — владеют и родным и уйгурским языками. Вместе с тем появилось уже поколение, говорящее только по-уйгурски, но с включением лобнорских элементов. Таким образом, самостоятельный в прошлом язык лобнорцев находится теперь на пути превращения в диалект уйгурского языка.

Язык сарыг югуров-буддистов, живущих в провинции Ганьсу, непонятен уйгурам Синьцзяна: специфичные консонантизм, особенности имен-

⁶ Э. Р. Тенишев, О диалектах уйгурского языка Синьцзяна, «Тюркологические исследования», М. — Л., 1963, стр. 147.

⁷ С. Е. Малов, Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь, Фрунзе, 1956, стр. 4—5; Э. Р. Тенишев, Еще раз о происхождении лобнорцев, М., 1964, стр. 7—8.

ного и глагольного словоизменения, временная система образуют своего рода языковой «барьер» между сарыг югурами и уйгурами.

В середине имен и в конце глагольных основ в сарыг югурском языке встречается *z* (вместо уйгурского *j*): *azaq* «нога», *pezyk* «большой», *qoz-* «положить». Эта черта отделяет вполне определенно сарыг югурский от уйгурского, объединяя его с хакасским, шорским и чулымско-тюркским языками.

В консонантизме сарыг югурского языка наблюдается корреляция сильных (придыхательных) и слабых (непридыхательных) в группах смычных (*p — 'p'*, *t — 't'*, *k — 'k'*, *q — 'q'*), щелевых (*š — 'š'*, *s — 's'*) и аффрикат (*z — 'z'*, *c — 'c'*, *ʒ — 'ʒ'*), что совершенно чуждо уйгурскому, развившему корреляцию звонких и глухих. Ввиду неразличения звонких и глухих согласных после гласных и сонантов могут следовать глухие: *arata* «в середине», *hasarta* «в деревне», *jaɣanqa* «слону».

В зависимости от конечного звука основ начальные согласные формантов чередуются: *l/n/d/t* (в формах мн. числа, род. и вин. падежей, словообразования глаголов), например: *ulɣanpar* «дети», *qyzdy* «девушку», *tiste-* «кусать». Все эти явления уйгурскому языку не свойственны.

В системе сарыг югурского вокализма действие прогрессивной гармонии по небному и губному рядам весьма ослаблено, а регрессивная гармония, столь характерная для уйгурского языка, вовсе неизвестна.

Значительны различия между сарыг югурским и уйгурским и в морфологии. Сарыг югурский язык все еще хранит «островок старого тюркского счета» (от 11 до 29), не представленного уже ни в одном из современных тюркских языков и состоящего из «приближения» к следующему десятку: *ü's o'tys* «23» (т. е. «три [к] тридцати»).

От парадигмы принадлежности сохранились только формы 2 и 3-го лиц ед. числа основ с конечной гласной и 3-го лица ед. числа основ с конечной согласной (форма 1-го лица ед. числа встречается только в фольклорных текстах). Подобная «эрозия» посессивной парадигмы — редкое исключение в тюркских языках.

Не менее редким исключением в системе тюркских языков является другая особенность сарыг югурского языка, касающаяся словоизменения глагола, — утрата формантов лица и числа. К тому же сарыг югурский язык обладает специфичными временными формами, не встречающимися в уйгурском языке и его диалектах:

<i>men maɣuppar</i>	«я иду (сейчас)»,
<i>men atɣantur</i>	«я беру (длительно)»,
<i>men jetqo</i>	«я сделаю (непременно)»,
<i>men ta'pqyr</i>	«я найду (категорически)»,
<i>men kelo'te</i>	«я приходил (давно)».

Приходилось наблюдать, как при встрече уйгур и сарыг югур переходили на китайский язык или обращались к переводчику. Самосознание сарыг югуров как этнического целого вполне определено: родной народ выделяется ими и среди окружающих народов (китайцев, дунган, тибетцев), и по отношению к родственной части желтых уйгуров — монголоязычных шира югуров. Синьцзянских уйгуров и сарыг югуров не связывает единый литературный язык. Современным уйгурским литературным языком сарыг югуры никогда не пользовались, и не возникал даже вопрос об этом. В средние века, когда Восточный Туркестан населяли уйгуры-буддисты, можно думать, что сарыг югуры в течение примерно трех веков (X—XII вв.) пользовались древнеуйгурским литературным языком. После монгольского завоевания в Восточном Туркестане постепенно меняются и этнос, и культура. С XV в. формируется новое население из западнотюрк-

ских племен с новоуйгурским языком и мусульманской культурой. У сарыг югуров древнеуйгурский литературный язык в религиозной сфере использовался до начала XVIII в., на смену ему пришел тибетский язык.

Ни чагатайский, ни новоуйгурский языки не имели распространения у сарыг югуров, и сарыг югурский язык никогда не подвергался нивелировке и сближению с уйгурским языком подобно тому, как это происходит с языком лобнорцев. Вследствие этого нет никаких оснований рассматривать язык сарыг югуров как диалект современного уйгурского языка: это совершенно самостоятельный язык.

Близость этнонимов — *уйгур* и *сарыг югур* (т. е. «желтый уйгур») — не может быть поводом для включения сарыг югурского языка в диалектную систему современного уйгурского языка. Как известно, этнический признак не всегда совпадает с языковым. Б. Я. Владимирцов, много занимавшийся идентификацией монгольских наречий и говоров, справедливо заметил: «Выяснение этнического состава данной группы в указанном случае, т. е. когда нет точных данных по языку, совершенно не может служить указанием для определения говора»⁸.

У саларов, обитающих в труднодоступной горной долине в восточной части Тибета и естественно отделенных от уйгуров, нет взаимопонимания в языковом плане с уйгурами Синьцзяна. Саларская речь непонятна уйгурам. Устное общение, разговор без языка-посредника между саларами и уйгурами невозможен. Это можно объяснить своеобразием саларского языка как в составе фонем, так и в парадигмах склонения и спряжения.

Для системы саларских согласных определяющей является основная корреляция по линии сильных (придыхательных) и слабых (непридыхательных) в группах смычных ($p - 'p'$, $t - 't'$, $k - 'k'$, $q - 'q'$), щелевых ($s - 's'$) и аффрикат ($z - 'z'$, $\check{c} - '\check{c}'$, $c - 'c'$, $z - 'z'$). Аналогичные оппозиции встречаются только в консонантизме сарыг югурского языка, что вызвано экстралингвистическими факторами, общими для обоих языков. Уйгурский язык оказался вне влияния этих факторов.

Несущественность оппозиции звонкие — глухие согласные привела к утрате различия между ними и сделала допустимыми необычные в тюркских языках сочетания согласных, как, например, звонкий — глухой, сонант — глухой: *paytigi* «находящийся в саду», *išinta* «внутри него», *selerten* «от вас». Подобные консонантные сочетания в изобилии можно найти в сарыг югурском, в диалектах башкирского языка и в памятниках рунической и древнеуйгурской письменности; уйгурский же язык не имеет сочетаний согласных такого типа.

Для саларского языка свойственна «эризация» финалей — факультативный $r/\check{r}$ придает слову оттенок ласкательности, уменьшительности или не влияет на семантику совсем, что для уйгурского языка нехарактерно: *purar* «волк» (уйг. *böri*), *a'tur* «конь» (уйг. *at*), *jaχšar/jaχšara* «хорошенький» (уйг. *jaxši*).

Прогрессивное действие гармонии гласных по небному и губному рядам, как и в сарыг югурском языке, имеет многочисленные отступления от общетюркского стандарта, а регрессивной гармонии гласных в отличие от уйгурского языка в саларском не существует.

В морфологическом плане различия между саларским и уйгурским языками также выражены вполне ощутимо. Парадигма принадлежности в саларском языке сохранилась лишь для ед. числа (рудименты посессивных форм мн. числа встречаются только в фольклорных текстах). В данном случае саларский язык имеет близкую параллель в сарыг югурском,

⁸ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 11.

резко отличаясь от уйгурского, который располагает полной притяжательной парадигмой.

Саларский язык имеет свою специфику и в падежном склонении: род. падеж имеет показатель *-ni(gi)*, дат. падеж — *-a/-e/-ä* (после основ на согласный, кроме *γ, g, χ, x, h*).

Как и сарыг югурский, саларский не имеет формантов лица и числа, а среди его временных форм, не совпадающих с уйгурскими, есть и такие, которых нет в сарыг югурском или же которые фонетически отличаются от соответствующих сарыг югурских:

<i>men vāpor</i>	«я иду (сейчас)»,
<i>men vaχqur</i>	«я посмотрю (непрерывно)»,
<i>men janšamiš</i>	«я сказал (говорят)»,
<i>men sora /soral/ sor'ale!</i>	«спрошу-ка я!».

Салары вполне определенно осознают себя особой народностью со своей историей, культурой и языком. Из-за своей географической изолированности о современных уйгурах они не имеют представления. В религиозной и бытовой сферах у саларов много общего с дунганями, на почве чего между ними установились тесные контакты, что иногда порождает смешение салар с дунганями в некоторых не очень компетентных источниках и работах.

Салары не имеют национального литературного языка. Язык старых саларских книг — сплав старочагатайского с саларским — сильно отличается и от собственно чагатайского⁹, которым пользовались уйгуры, и тем более — от новоуйгурского литературного языка. К последнему салары не прибегали раньше, не пользуются им и теперь. Для этого не было и нет условий как исторических, так и социальных. Таким образом, не было и причин для нивелирования и сближения саларского с уйгурским, т. е. превращения саларского в один из диалектов уйгурского языка.

Итак, саларский и сарыг югурский в социологическом и лингвистическом отношениях представляют собою самостоятельные языки тюркской системы. Такой же статус для названных языков установил С. Е. Малов — первый исследователь-лингвист, побывавший у саларов и сарыг югуров. С полным основанием С. Е. Малов саларский язык отнес к кыпчакско-туркменской (средней) группе¹⁰, а язык сарыг югуров считал «исторической стадией киргизского языка», языком, который следует «выделить из общего компактного состава уйгурских языков»¹¹. Оба языка в классификации тюркских языков С. Е. Малова занимают положение самостоятельных языков¹², с чем согласны В. А. Богородицкий и Э. Н. Наджип¹³; А. Н. Кононовым сарыг югурский и саларский языки также включены в список самостоятельных языков¹⁴.

Таким образом, если считать саларский и сарыг югурский самостоятельными языками, то к уйгурскому следует отнести язык основного на-

⁹ Это объясняется еще и тем, что из Средней Азии салары выехали в конце XIV в., т. е. до рождения Алишера Навои — родоначальника среднеазиатско-тюркского литературного языка.

¹⁰ С. Е. Малов, Изучение живых турецких наречий Западного Китая, «Восточные записки», 1, Л., 1927, стр. 171.

¹¹ С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, Алма-Ата, 1957, стр. 7.

¹² С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, ИАН ОЛЯ, 1952, 2, стр. 142. См. еще: Э. Р. Тенишев, Место саларского и сарыг югурского языков в системе тюркских языков, сб. «Исследования по уйгурскому языку», 2, Алма-Ата, 1970.

¹³ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., Казань, 1953, стр. 14; Э. Н. Наджип, Современный уйгурский язык, М., 1960, стр. 8—9.

¹⁴ А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, Л., 1972, стр. 232—233.

селения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и уйгуров, проживающих в среднеазиатских республиках Советского Союза. Синьцзянско-уйгурский язык представляет собою совокупность литературной формы и суммы территориальных диалектов и говоров. Последние привлекают внимание исследователей уже более ста лет. В 60-х годах прошлого века Н. И. Ильминский высказал мысль о том, что на всей территории Синьцзяна «существует одно наречие, только, быть может, с небольшими разностями»¹⁵. Сначала это мнение нашло поддержку у крупнейшего знатока уйгурского языка С. Е. Малова, выделившего особо лишь лобнорский диалект¹⁶. Впоследствии С. Е. Малов уточнил свои выводы, полагая, что уйгурский язык «распадается на местные диалекты в той или иной мере со своей грамматикой и словарем, которые в дальнейшем могут дать начало образованию самостоятельных языков или языка, который подчинит себе другие»¹⁷.

В 1933 г. шведский уйгуровед Г. Ярринг дал собственную классификацию диалектов уйгурского языка Синьцзяна, основанную на морфологическом принципе — наличие (или отсутствие) модальной формы на *-миш*. В результате получилась бинарная классификация: группа говоров южного Синьцзяна (южные диалекты), имеющие форму на *-миш*, и группа говоров северного Синьцзяна (северные диалекты), не имеющие формы на *-миш*¹⁸.

В 1955—1957 гг. в Синьцзяне развернулась большая работа по обследованию диалектов уйгурского языка, в которой приняли участие и советские специалисты. В основу выделения диалектов были положены признаки, носящие системный характер: фонема /i/ с вариантами, особенности гармонии гласных и согласных, формы 1 и 3-го лиц будущего времени (фонетико-морфологический принцип классификации).

В результате получилась трехчленная система, уточняющая прежние классификации: 1) северо-западный, или центральный, диалект — основа современного литературного языка; 2) южный, или хотанский, диалект, архаизованный по своему характеру; 3) восточный, или лобнорский, диалект, обнаруживающий динамику перехода от языка к диалекту¹⁹.

Эта классификация была принята китайскими и уйгурскими специалистами и введена ими в оборот через соответствующие справочники и научные работы. Разумеется, возможны дальнейшие уточнения данной классификации в духе того, что сделал А. Т. Кайдаров. Путем отбора значительного количества дифференцирующих (частных) признаков им установлена следующая группировка уйгурских диалектов: 1) северо-восточная группа, 2) северная группа, 3) юго-западная группа, 4) юго-восточная группа, 5) восточная группа²⁰. Логическим завершением предпринятых исследований последних десятилетий явится применение в уйгурской диалектологии лингвогеографического метода.

Опыт выделения уйгурских диалектов свидетельствует о том, что при исследовании диалектного членения того или иного языка необходимо руководствоваться не одним только языковым, а синтезированным, социолого-лингвистическим принципом.

¹⁵ Н. И. И л ь м и н с к и й, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка с приложениями, Казань, 1862, стр. 43—48.

¹⁶ С. Е. М а л о в, Изучение живых турецких наречий Западного Китая, стр. 165, 170.

¹⁷ С. Е. М а л о в, Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь, М. — Л., 1954, стр. 6—7.

¹⁸ G. J a r r i n g, Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, Lund, 1933, стр. 2—4.

¹⁹ См. об этом: Э. Р. Т е н и ш е в, О диалектах уйгурского языка Синьцзяна.

²⁰ А. Т. К а й д а р о в, Развитие современного уйгурского литературного языка. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка, Алма-Ата, 1969, стр. 145—212.